

Н. П. МОРОЗОВА

КНИГА ИЗ БИБЛИОТЕКИ ГОГОЛЕЙ

(К вопросу об употреблении термина *поэма*
в русской литературе)

В составе книжного собрания Череповецкого краеведческого музея Вологодской области хранится роман М. М. Хераскова «Кадм и Гармония» (Изд. 2-е. Ч. 1—2. М., тип. И. Зеленникова, 1793)¹ из библиотеки Гоголей. Книга в сафьяновом переплете, с тисненным на корешке названием, иллюстрированный фронтиспис и последний лист утрачены. Сохранившиеся владельческие записи рассказывают во многом ее историю. Первая по времени — «Из книг Степана Лукашевича» — сделана на форзаце почерком XVIII—начала XIX в., позднее перечеркнута. Степан Лукашевич — дальний родственник и сосед Гоголей по имению. В «Малороссийском родословнике» В. Л. Модзалевского о нем сказано: «Степан Васильевич (Лукашевич) в службе с 1771 г.; коллежский канцелярист (1782); 29 июня 1782 г. — войсковой товарищ; то же в 1783 г.; подсудок Хорольского поветового суда (1803); за ним наследственных Хорольского уезда» в хут<оре> Лукашовке, где и живет м. п. 42, ж. п. 61 душа (1798)».²

Книга была приобретена в московской книжной лавке, о чем свидетельствует графический знак на внутренней стороне верхней крышки переплета: «Из лавки И. В. Попова, на Ильинке в гостинном новом дворе». Иван Васильевич Попов (ум. в 1836 г.) — писатель, переводчик, арендатор Университетской типографии и издатель-книгопродавец.³

О последующей истории книги узнаем из «Автобиографической записки» М. И. Гоголь, рассказывающей: «Муж мой никогда не вспоминал, чтоб я продолжала начатые мною науки. Он не говорил ни на каком языке, кроме латинского, и не желал, чтоб и я знала их, с тех пор я никогда не принималась за иностранные книги; а русские мы с ним всегда читали, когда имели свободные часы от хозяйственных дел и оставались одни, что бывало очень

¹ Каталог русских книг гражданской печати XVIII в. Череповецкого краеведческого музея / Сост. Н. П. Дробова. Череповец, 1980. № 442.

² Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник. Киев, 1912. Т. 3. С. 211.

³ См.: Мезьер А. В. Словарный указатель по книговедению. М., 1931. Ч. 2. С. 72.

редко. Помню, как он где-то достал очень старинную книгу „Кадм и Гармонию“, и мы с ним вместе читали». ⁴

Рассказ М. И. Гоголь как одно из немногих свидетельств о конкретных произведениях, составлявших круг чтения в Васильевке, нашел отражение в беллетристике.

На его основе в повести А. Полторацкого «Детство Гоголя» создан эпизод, в котором родители писателя, приехав после свадьбы в Васильевку, «вышли к Долине Спокойствия, и тут Василий Афанасьевич начал было читать Маше героическую повесть Хераскова „Кадм и Гармония“ < . . . > Машино сердце забилося от страха: она тотчас вспомнила жуткую сумароковскую трагедию с кинжалом. И теперь, естественно, ждала от мужа поступков неожиданных и непоправимых. А между тем в голосе чтеца не слышалось трубных звуков. Василий Афанасьевич, читая, негромко ворковал, как воркует голубок, выстилал гнездышко для своей голубки. . . » ⁵

Дальнейшая судьба книги отражена во второй по времени и последней владельческой записи: «„Кадм и Гармония“ принадлежит курскому мещанину Василию Михайлову сыну Лагочеву в Санкт-Петербурге, подарена в знак искренности его благородием Николаем Васильевичем Гоголем Яновским и учителем патристического института благородных девиц июня 28 дня 1833 года».

Пока не удалось, к сожалению, найти каких-либо сведений о Василии Михайловиче Лагочеве и выяснить, случайный или не случайный характер носил подарок. Возможно, Гоголь познакомился с курским мещанином В. М. Лагочевым осенью 1832 г. по пути из Васильевки в Петербург, когда из-за поломки экипажа «принужден был прожить целую неделю в Курске, в этом скучном и немом Курске». ⁶

Июнь 1833 г. Гоголь провел на даче в Петергофе, откуда неоднократно приезжал в Петербург в поисках новой квартиры. 24 июня 1833 г. он писал матери: «Пишу к вам в самый жаркий день. Такая ли жара и у вас, как у нас? Термометр показывает 24 и даже 25 градусов в тени. Я очень редко теперь живу в городе, в котором душно, как в бане. Солнце тиранствует, а не греет. Пользуясь тем, что многие оставили город, я ищу теперь себе другую квартиру, потому что старая надоела мне до смерти». ⁷ Вероятно, в один из таких приездов и была подарена книга.

Следующим свидетельством ее истории служит поставленный на титульном листе штамп библиотеки Череповецкого института народного образования (1919—1921 гг., позднее — педагоги-

⁴ Гоголь М. И. Автобиографическая записка // Русский архив. 1902. Кн. 4. С. 715.

⁵ Полторацкий А. Детство Гоголя / Авторизованный пер. с украинского М. Зошенко. Л., 1956. С. 62.

⁶ Гоголь Н. В. Собр. соч. М.; Л., 1940. Т. 10. С. 242 (письмо П. А. Плетневу от 9 октября 1832 г.).

⁷ Там же. С. 272. О петербургских адресах Гоголя этого периода см.: Гиллельсон М. И. и др. Гоголь в Петербурге. Л., 1961. С. 307.

ческий техникум, учительский и педагогический институт). В 1930 г. значительная часть ее редкого фонда была передана Череповецкому краеведческому музею. Как показывает анализ владельческих записей,⁸ основным источником поступления этих книг в институтскую библиотеку были частные собрания Череповецкого и в незначительной степени соседних с ним уездов. Повидимому, последним владельцем книги был один из местных книголюбов.

Трудно однозначно ответить на вопрос, входил ли роман Хераскова «Кадм и Гармония» в круг чтения Гоголя в 1830-е гг., имело ли вообще место сознательное обращение Гоголя к творчеству Хераскова. Приведенная выше история книги из библиотеки Гоголей (помимо возможности широкого типологического сопоставления прозы двух авторов)⁹ не исключает подобного обращения. Последнее может иметь значение для изучения проблемы авторского определения жанра «Мертвых душ».

При исследовании данной проблемы в тени остался вопрос о существовании в русской литературе определенной традиции употребления термина «поэма» по отношению к роману и о возможной ориентации Гоголя на эту традицию. Между тем именно к ней относятся романы Хераскова, и в первую очередь «Кадм и Гармония». Во время работы над этим романом перед писателем встали проблемы выбора жанровой формы и ее терминологического определения. Им посвящено предисловие к роману, отразившее авторские представления о жанре эпической поэмы и сущности поэзии. Считая жанровой доминантой содержание произведения, Херасков не связывает понятия «эпическая поэма», «эпический писатель», «стихотворец» только со стихотворной формой. Исходя из этих представлений он не относит, например, «Телемака» Фенелона к жанру эпической поэмы, но самого автора уподобляет «величайшим пиитам», поскольку «в прозе его вся важность высокого стихотворства погруженна <...> Не одни стихи, но наипаче изобретения, естественность, украшения, привлекательность слога, убедительное нравоучение и остроумие стихотворца составляют».¹⁰ Жанр своего произведения Херасков определяет термином «повесть».

В целом взгляды писателя на проблемы, затронутые в предисловии к «Кадму и Гармонии», близки эстетике сентиментализма. Более последовательно и четко, с эстетических позиций сентиментализма, отвечает на эти вопросы Н. М. Карамзин в рецензии

⁸ Каталог русских книг гражданской печати XVIII в. Череповецкого краеведческого музея / Сост. Н. П. Дробова; Каталог русских книг гражданской печати 1801—1825 гг. из фондов Череповецкого краеведческого музея / Сост. Н. П. Морозова. Череповец, 1983.

⁹ См.: Гончаров С. А. Жанровая структура «Мертвых душ» Н. В. Гоголя и традиции русской прозы: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Л., 1985.

¹⁰ Херасков М. М. Кадм и Гармония, древнее повествование. 2-е изд. М., 1793. Ч. 1. С. 5.

на «Кадма и Гармонию», напечатанной в 1791 г. в «Московском журнале».

Косвенным свидетельством обращения Гоголя в 1830-е гг. к этому «первому образцу монографической рецензии в истории русской критики»¹¹ (помимо постоянного и глубокого интереса к творчеству Карамзина вообще)¹² может служить начатая им в 1834 г. по совету Пушкина работа над «Историей русской критики», черновиков которой, к сожалению, не сохранилось.

По поводу жанра «Кадма и Гармония» Карамзин в названной выше рецензии пишет: «Почтенный автор в предисловии своем говорит, что *Кадм* его есть не поэма, а простая повесть, но когда повесть есть не история, а вымысел, то она, кажется, есть Поэма — эпическая или нет, но все поэма — стихами или прозою писанная, но все Поэма, которая по общепринятому понятию на других языках означает всякое творение вообразительной силы. Таким образом, Комедия, Роман есть Поэма».¹³ Это высказывание, находящее параллели и в европейской эстетической мысли, отражает важные положения эстетики Карамзина: отсутствие непреходимой грани между прозой и поэзией, несущественность формальных признаков при определении жанра; единство художественной природы не только прозы и поэзии, но и драматургии. Подобные эстетические взгляды были органичны для мировоззрения Карамзина: в своем творчестве он впервые смог возвысить прозу до уровня поэзии.

Аналогичные идеи характерны и для эстетики Гоголя, в частности они находят отражение в «Учебной книге словесности для русского юношества». Творчество как Карамзина, так и Гоголя формировалось в эпохи, отмеченные полемикой по поводу места прозы и поэзии в литературе. Если в конце XVIII—начале XIX в. приоритет в этом отношении принадлежал поэзии и приходилось отстаивать художественные достоинства прозы, то в 1830-е гг. положение изменилось в пользу последней, и уже поэзия нуждалась в защите.

Оба писателя оказались в центре этих полемик и заняли во многом сходную позицию, заключавшуюся в стремлении как своим творчеством, так и теоретическими высказываниями, использованием жанровых определений показать равнозначность обеих форм, необязательность их противопоставления и существования четких границ между ними.

Карамзинское определение термина «поэма» не было в 1790-е гг. и не стало позднее общепринятым, но по отношению к романам

¹¹ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952. С. 510—512.

¹² См.: Смирнова Е. А. Гоголь и идея «естественного» человека в литературе XVIII века // Русская литература XVIII века: Эпоха классицизма. М.; Л., 1964. С. 280—293.

¹³ Карамзин Н. М. О книгах // Московский журнал. 1791. Ч. 1. С. 85—86.

Хераскова оно получило жизнеспособность. Так, В. А. Жуковский в «Конспекте по истории русской литературы», составленном в 1826—1827 гг., говорит о Хераскове: «Он писал также поэмы в прозе, все такие же слабые, как и его произведения в стихах».¹⁴

Возможно, ориентация на представляемую романами Хераскова, в частности «Кадмом и Гармонией», традицию употребления термина «поэма» в совокупности с другими обстоятельствами могла повлиять на Гоголя в выборе жанрового определения «Мертвых душ».

¹⁴ Тр. Отдела новой русской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом). М.; Л., 1948. Т. 1. С. 305.